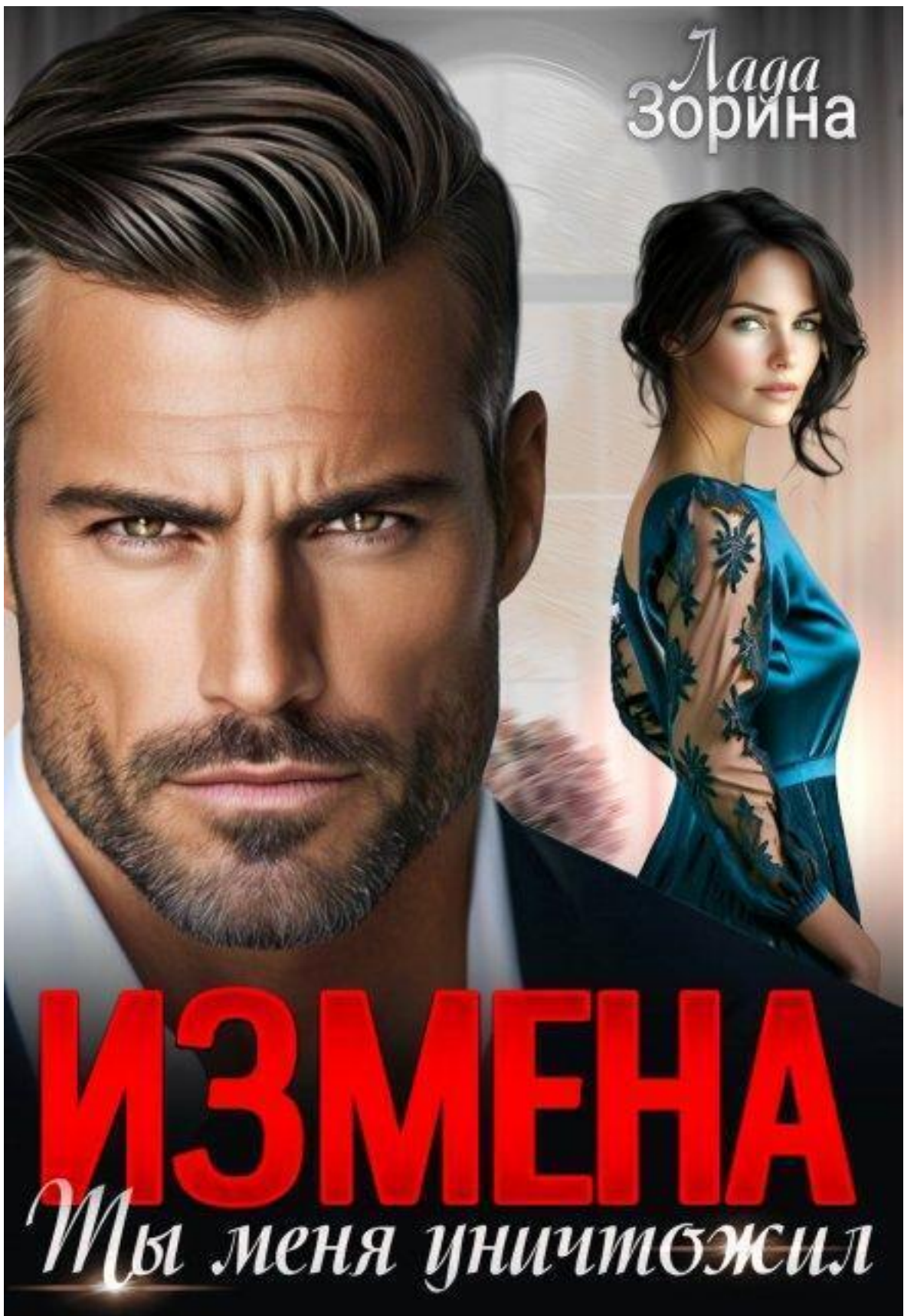

Лада
Зорина

ИЗМЕНА

Мы тебя уничтожил

Лада Зорина

Измена. Ты меня уничтожил

«Литнет»

2025

Зорина Л.

Измена. Ты меня уничтожил / Л. Зорина — «Литнет», 2025

— Почему?.. — шепчу одними губами. Муж неспешно застёгивает брюки. Смотрит на меня равнодушно. Блондинка у него за спиной одевается, опасливо поглядывая на меня. — Ты бесплодна. Десять лет я прожил с пустышкой в слепой надежде на чудо. Но чуда не произошло. Сейчас тебе сорок два. И будем честны — тут уже и чудо бы не помогло. Его слова рвут моё сердце в лоскуты. — Так ты эту блондинку для того и пользуешь? — голос дрожит. — Чтобы наследника наконец получить? А если девчонку заделаешь, что тогда? Вышвырнешь на мороз вместе с мамашей? Муж усмехнулся: — К чему эта драма, прелесть моя? Или это от зависти, что она сможет мне ребёнка родить, а ты даже если очень сильно захочешь, не справишься? Муж не просто изменил мне — он буквально уничтожил меня своей жестокостью. Но наш развод стал только началом всех моих бед...♥# властный и жестокий мужчина ♥# хитрая любовница ♥# неидеальные герои ♥# сложные отношения ♥# очень эмоционально ♥# ХЭ

© Зорина Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	25
Глава 12	27
Глава 13	29
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

— Почему?.. — шепчу одними губами.

Муж безо всякой спешки застёгивает пуговицу на брюках. Смотрит на меня почти равнодушно.

Я скольжу ошарашенным взглядом по родным до боли чертам и чувствую, как внутри всё умирает.

Нет в нём ни страха, ни капли раскаяния, ни тревоги оттого, что я всё увидела, всё узнала.

Стройная блондинка у него за спиной натягивает на себя вещички, время от времени бросая на меня опасливые взгляды.

Вот она-то волнуется. Она тревожится. Она не знает, как её статусный любовник себя поведёт. То ли меня выставит сейчас за порог за то, что посмела ворваться в его кабинет и застукать, то ли её погонит.

Не одна она гадает. Я тоже по его каменному лицу ничего прочесть не могу. И от этого сердце сжимается ещё сильнее и бьётся как-то болезненно, надсадно.

— Почему? — в едва заметной усмешке блещут белоснежные зубы. — Вот мы столько лет с тобой прожили, а ты так и не поняла, почему?

Сглатываю горькую слюну и гоню от себя застарелые страхи.

Нет, он не может быть настолько жестоким. Он не станет этого говорить. Это просто я проецирую...

— Боишься правды?

Я никогда не терпела, когда меня уличали в трусости или попытке сунуть голову в песок. Пусть даже я временами и пятилась, когда в лицо мне скалились мои жуткие тени.

Поэтому в ответ на его жестокий вопрос я вздёрнула подбородок.

— Правды? Когда я боялась правды? Разве что ты хочешь сейчас мне какую-то свою правду озвучить.

Горский понял, что ему бросили вызов. И в долгу не остался. Этого он не любил.

— Ты бесплодна. С этой правдой, надеюсь, ты спорить не будешь. Она вроде как очевидна. Десять лет я прожил с пустышкой в слепой надежде... даже не знаю на что. На чудо, должно быть. Но чуда не произошло. Сейчас тебе сорок два. И будем честны — тут уже и чудо бы не помогло.

Его слова, беспощадные и бессердечные, вгрызаются в моё несчастное сердце, рвут его в лоскуты.

Но я стою. Стою прямо, держусь, потому что не имею права показать свою слабость ни перед ним, ни перед этой вот длинноногой нимфеткой. И она-то теперь тоже смотрит на меня по-другому. Она-то слышала, что мне муж заявил. В её серых глазах мелькает затаённое зло-радство.

Вот тебе, неполноценная, за то, что ворвалась сюда и смеешь претензии предъявлять.

— Так ты эту блондинку у себя на столе для того и разложил? — голос предательски дрогнул. — Чтобы наследника наконец получить? И она на это согласна? Согласна стать благодарным контейнером для Горского-младшего. А если девчонку заделаешь, что тогда? Вышвырнешь на мороз вместе с мамашей?

— Ух, сколько страсти! — хмыкнул супруг. — Ну к чему такая драматизация, прелесть моя? Или это от зависти, что она сможет мне ребёнка родить, а ты — даже если очень сильно захочешь, не справишься? Потому что мы вроде как уже всё, что только за деньги возможно, с тобой давно перепробовали.

Слёзы против воли наворачиваются на глаза, и отыграть что-то назад уже невозможно. Всё сказано, всё сделано, и я умерла.

— Почему так жестоко? — вырвалось из меня. — Л-ладно измена, но откуда столько жестокости?..

— Танюш, это научит тебя не самоуправничать, — почти ласково сообщил мне супруг. — Не вынюхивать, не выпрашивать, не разузнавать и не врываться ко мне без спроса. Ты же знаешь, я терпеть не могу подобного поведения. А ты позволяла себе такое не раз. Моё терпение кончилось, и ты получила то, что заслужила.

— Вот как?.. — шепчу. — Всё это... всю эту жестокость я... заслужила? А бесплодие — это, наверное, тоже моя вина? Я сама виновата в том, что природа меня возможностью выносить и родить обделила?..

Горский пробежался по мне взглядом, в котором не читалось сейчас ничего, кроме, может быть, безразличия.

— Не понимаю, ты меня разжалобить, что ли, пытаешься? Или оправдываешься так? Откуда мне знать? Может, у вас весь род такой. Все вы, Мережские, наверное, прокляты. Вот и тебя зацепило. Карма такая.

Он издевался. Издевался открыто и откровенно. Что-то случилось, и теперь он решил этого не скрывать. И пригретая у него за спиной девка это только доказывала.

— Слушай, нет нужды прямо сейчас выяснять отношения. Тем более в разгар рабочего дня, — с ленцой отозвался Горский и, стянув на своей мощной груди рубашку, принялся застёгивать пуговицы. — Давай сделаем так. Ты немного придёшь в себя, я провожу Виолетту. И позже мы об этом подробнее поговорим. Уверен, этот вопрос легко решается. Он и вовсе бы не стоял, если бы ты сюда без приглашения не ворвалась

Но этих бесполезных уговоров я уже почти и не слышала. Всё застилало понимание, что я на самом пороге финала. Того финала, который мне все вокруг предрекали. Все эти годы окружающие твердили, что Горский не будет терпеть — рано или поздно он заведёт себе содержанку.

— Карма, значит, — прошелестела я, а взгляд уже жадно блуждал по окружающей обстановке. — Выходит, вот это я заслужила...

Небольшая, но увесистая статуэтка в виде восточной танцовщицы будто сама впрыгнула в руку.

Горский такого не ожидал, поэтому не успел увернуться, и изящная бронзовая рука вспорола кожу над его левой бровью.

Он зарычал от боли и шока.

Брызнула кровь.

— А это тебе! — прошипела я гневно. — И это ещё далеко не всё, что ты заслужил!

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»

Читать: <https://litnet.com/shrt/ZZqG>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Полечка, ты извини, бога ради, но мы не могли его выгнать. Он всё-таки очень хорошо её знал. Да и она же, ты знаешь, души в нём не чаяла...

Стою на пороге большой мрачной залы — ни жива, ни мертва. А старшая сестра пытается меня уговорить не устраивать сцену.

Думает, у меня сейчас есть на это хоть какие-то силы?

Смерть всеми любимой тётки, на которой, можно сказать, держалась семья, по всем удавила слишком больно. Без неё дом, в котором многие из нас провели своё счастливое детство, выглядел громадным гулким склепом.

Но сегодня вместо того, чтобы полагающимся образом оплакать её уход, я должна буду ещё и с призраками прошлого бороться.

— Саш, почему ты меня не предупредила? — прошептала я одними губами. — Ведь можно же было перед приездом обмолвиться, что эта сволочь тоже приедет.

Да и приехал-то не один. Свою блондинистую дрянь с собой прихватил. И сейчас она цеплялась за рукав моего бывшего мужа, поглядывая по сторонам с таким превосходством, будто он её наконец-то замуж позвал.

Хотя кто его знает? Может, действительно позвал. С момента развода я о его личной жизни ничего не знала и знать не хотела.

— Да мы как-то... мы так были заняты этими похоронами, что просто вывалилось из головы. Приехало-то видишь сколько? Вся семья собралась! Мы тут до сих пор носимся как угорелые. Переживаю, чтобы ничего не забыли.

Я отвела взгляд от ненавистной парочки и слотнула горькую слюну.

— Может, вам помочь? Об этом тоже могла бы мне сообщить — я бы приехала раньше.

— Ой, не выдумывай, — Александра замахала руками. — У тебя сейчас будто своих хлопот не хватает.

— Мои хлопоты подождут. Можно подумать, я Маргариту Павловну меньше любила.

— Да я же этого не говорю! Мы просто не хотели тебя больше нужного беспокоить. Тань, ну сама по суди, сначала этот кошмарный развод, потом ты с нервным срывом чуть в психушку не загремела, а тут ещё вот... Маргарита Павловна.

И её лицо против воли скукожилось, как перед очередным приступом плача.

Всем мои слёзы к этому моменту успели иссякнуть. Выплакала. Внутри сейчас клубилась мутная пустота — беспокойная, нервная, напряжённая. Моя скорбь никак не могла пересилить всё ещё свежую боль от предательства некогда самого близкого мне человека.

— А тут ещё Пашка вчера с горя накидался, — пожаловалась сестра. — Ты бы пару ласковых ему сказала. Он же никого, кроме тебя, не слушает. Только тебя за авторитет признаёт.

Ну, мой авторитет с тех пор основательно пошатнулся. В нашей большой семье на меня до некоторого времени смотрели с уважением. Как же, дипломированный психолог с солидной клиентской базой. А потом этот психолог чуть сам в психушку не загремел — спасибо бывшему мужу.

Горский высился у окна, и его резкий профиль чётко вырисовывался на фоне хмурого дождливого неба. Выглядел так, будто в его жизни ничего эдакого и не произошло. Ни тебе нового седого волоска на аккуратно выбритых висках, ни лёгкой сутулости широченных плеч, говорящей о грузе вины или скорби.

Нет, мой бывший супруг ни о чём не скорбел. Не я же ему в конце концов изменяла. Не я превратила его жизнь в крошечный ад, при этом ни на секунду в содеянном не раскаявшись.

— Поговорю. Только не сейчас, хорошо?

— Да нет, что ты. Сейчас-то никто и не требует. Не до того.

Я кивнула.

— Только не обещаю, что Павла сейчас хоть как-то впечатлят мои речи.

— Да брось, — отмахнулась сестра. — Никто тут и не вспомнит о том, о чём ты подумала. Если хочешь знать, Горского сторонятся. Но ему разве когда-нибудь было дело до мнения окружающих? Ты же видишь, он и подстилку свою с собой притащил. Они, как я посмотрю, ну просто два сапога пара. Она тоже особенно не рефлексит.

Утешение старшей сестры было хоть какой-то поддержкой. Даром что о сторонившихся она откровенно врала. Да моему бывшему мужу разве что в рот не заглядывали. Кто же будет сторониться богатого и влиятельного человека? Это остальные тут собрались в надежде на то, что Маргарита Павловна упомянула их в завещании. А вот Горский... ему на эту бумажку плевать, у него своих капиталов хватало.

Не хватало у него только сердца и совести. Но это ерунда. Таким, как он, они и не нужны.

В этом я на своём опыте убедилась.

— Мне нет никакого дела ни до него, ни до неё, — пробормотала я, стараясь больше и не смотреть в их сторону. — Я только попрошу держать их от меня подальше. Обещаю, что как в прошлый раз, я не сорвусь, но ради... ради общего спокойствия.

— Да, да, конечно, — Александра бросила настороженный взгляд в дальнюю сторону залы. — Да он сюда и не смотрит. Не думаю, что он вообще тебя заметил. Ты не переживай. И, может, валерьяночки или чего крепкого?

Я медленно выдохнула и покачала головой.

— Нет, спасибо, Саш. Я обойдусь. Хочу сохранить голову ясной.

— Ну, вообще-то, ты знаешь, это правильное решение, — закивала она. — Нам предстоит долгий день. После всех этих церемоний ещё же нужно будет нотариуса дожидаться.

Я едва вслух не застонала.

— А что, завещание сегодня зачитывать собираются?

— А ты думаешь, вся родня сюда сегодня набилась из-за чего? — хмыкнула она.

Спустя пять минут она отлучилась по зову кого-то из организаторов похорон.

Я перевела дух и погладила себя по озябшему плечу. Надо бы забиться куда-нибудь в дальний угол, чтобы вообще никому без надобности на глаза не попадаться.

— Здравствуй, Татьяна, — врезался мне в спину низкий голос с ощутимой хрипотцой.

Дрожь пробежала у меня по спине, но я заставила себя обернуться.

— Пошёл прочь, — прошипела я.

Тёмная бровь, над которой красовался оставленный мною шрам, дрогнула, а по жёсткому, словно вырубленному из гранита лицу мелькнула тень усмешки.

— Что, моя нежная лань, даже ни капельки по мне не соскучилась?

Глава 3

— У тебя сейчас с деньгами не очень? — задала я встречный вопрос.

Никто не мог знать, чего мне стоило сохранять каменное выражение лица. Чего мне стоило делать вид, что я ничего сейчас не чувствовала, кроме презрения и ненависти к бывшему мужу.

Но я, к сожалению, чувствовала. По моим венам бежала ядовитая кровь. Прошрое меня разъедало всякий раз, когда стоило хотя бы припомнить о том, что пришлось пережить из-за него. Из-за человека, которого я когда-то любила больше собственной жизни. Человека, который меня растоптал и даже не обернулся, когда уходил.

— Откуда такие выводы?

Я едва заметно кивнула на белевший у него над бровью шрам. Если не знать, где он его получил, можно было счесть за удачный штрих к его и без того суровому образу.

Меня воротило от этого понимания, но сложно было не заметить, что даже сегодня, в зале, полной скорбящих или делавших вид, то скорбят, женские взгляды следили за Горским с нескрываемым интересом и жадностью.

Этот подонок знал о силе собственной харизмы и, к сожалению, умел ею пользоваться.

— Кто-то из хирургов сильно схалтурил или ты ему недоплатил?

На лице Горского промелькнула тень понимания, и на чётко очерченные губы тут же выскользнула сумрачная улыбка.

— Ах это... Ну что ты, радость моя. Это намеренно.

Длинный загорелый палец с нарочитой медлительностью провёл по выразительной полоске над чёрной бровью.

— Этот шрам я оставил себе на память. Своего рода трофеем. Каждый раз, когда смотрю в зеркало, он напоминает мне о том, что ты умела не только красиво любить, но и бесподобно ненавидеть.

Моё лицо против воли скривилось от омерзения.

— Ты... больной убудок, Горский. Был им и останешься.

— Сочту за комплимент, — шепнул он едва ли не заговорщицки. — Ну а ты как поживаешь, кстати? Не родила?

Я хватанула воздух ртом и стиснула зубы. Эти слова не имели права вообще никак на меня действовать. Горский бил в такое место, где давно должна была образоваться надёжная мозоль, защищавшая от новых ударов.

Но нет, никакой защиты там по-прежнему не было, и его смертельно меткие удары попали в самую цель.

— А твоя курочка? — пересиливая боль от удара, кивнула я в сторону поглядывавшей на нас блондинки. — Неужели она тоже не сподобилась обеспечить тебя наследником? Или это ты плохо стараешься?

— Мы не спешим, — усмехнулся Горский. — В конце концов всего два года прошло. У Виолетты, в отличие от тебя, времени в запасе ещё предостаточно.

С моей стороны было бы наивностью предполагать, что из этого словесного поединка я выберусь целой и невредимой. Мне не тягаться с этим подонком в умении закапывать противника по уши хоть в грязь, хоть в дерьмо.

Если Горский задавался целью, он не оставлял от противника и мокрого места. Мне ли не знать? Я достаточно времени прожила с этим человеком, чтобы вдоль и поперёк изучить его методы.

И ведь раньше меня это не беспокоило — раньше мы с ним не оказывались по разные с троны баррикад.

— А какого чёрта ваша счастливая семейная пара забыла на этих похоронах? — сменила я тему, делая вид, что его последние слова меня никак не задела. — Твоя малолетка Маргариту Павловну в глаза не видела.

— Виолетта тут ни при чём. Она — за компанию, — пожал плечами Горский. — Но мне-то ты как можешь отказать в праве с тётушкой попрощаться? Она меня, между прочим, любила. Никто из твоей родни не спешил меня признавать, а она приняла с распростёртыми объятиями. Я, Танюш, ничего не забываю. Ни хорошего, ни плохого.

В его словах не было ничего, что противоречило истине. Горский тут не соврал — всё было именно так. Но то ли во мне говорила ненависть и предвзятость, то ли... то ли было тут что-то ещё, о чём я пока не знала или не могла догадаться.

В могучей фигуре бывшего мужа чувствовалось какое-то не совсем свойственное ему напряжение. Расспрашивать о его природе не было смысла — я бы и сама этого делать не стала, и он бы никогда мне не рассказал.

— Знала бы Маргарита Павловна, какой сволочью ты оказался, — проговорила я. — Знала бы и поступила бы так, как и все остальные.

— Все остальные ни во что меня не ставили ещё задолго до того, как я тебя из семьи увёл, — прошипел Горский.

Я наконец-то наступила на большую мозоль. На его застарелую травму, которая по-прежнему не отпускала.

— Они все смотрели на меня свысока. Пока я свой первый миллион не заработал. Пока не доказал этим вшивым интеллигентам с раздутым самомнением, что со мной можно и нужно считаться! И сколько с тех пор твоих родственничков ходило у меня в должниках? Не припомнишь, родная?

Последнее слова больно проехали по обнажившимся нервам. Но я упрямо стиснула зубы, не собираясь тешить его самомнение.

— Вот ваш Павлуша, он где? — и Горский зашарил взглядом по зале. — Не вижу беднягу. Не потому ли что он мне несколько сотен тысяч задолжал ненароком? Но ты, Танюш, знай. Я эти деньги с него не возьму. Даже если он каким-то чудом возьмёт себя в руки, бросит бухать и соберётся вернуть мне долг. Всё, что ваша семейка мне задолжала, я вам прощаю.

И в его тёмных глазах мелькнул дьявольский огонёк.

— Будем считать, что ты своими страданиями в браке со мной все их долги оплатила.

В качестве слабого утешения хотела бы я так считать.

Но даже если захотела, не смогла бы. Потому что этот тяжелейший день в моей жизни был ещё слишком далёк от своего кошмарного завершения...

Глава 4

— Паш, ну ты же мне обещал...

Вырвавшись из душившего меня сейчас собрания в главной зале, я отправилась на поиски двоюродного брата.

Павел обнаружился в библиотеке. Я сейчас стоило его поблагодарить за это уединение, потому что показываться на людях в таком состоянии с его стороны было бы, прямо скажем, ошибкой.

— Тань ну прости, — всхлипнул он, размазывая по одутловатому лицу слёзы.

Алкоголь всегда делал его сентиментальным, а сегодня ещё и повод веский имелся.

— Бог простит, — вздохнула я и присела рядом с диванчиком, на котором он развалился в уютной тишине просторной комнаты, заставленной массивными стеллажами с бессчётным количеством книг.

Я обвела помещение тоскливым взглядом, понимая, что, возможно, в последний раз вижу его в таком состоянии. Я понятия не имела, кому по завещанию отойдёт этот дом, но то, что городской особняк, в котором я провела столько счастливых минут, будет подвергнут основательной реновации, сомневаться не приходилось.

В семейных кругах бродили слухи и шепотки о возможной эксплуатации этого бесконечно лакомого куска, но никто не решался прилюдно делить шкуру неубитого медведя.

— Я ж Маргариту Павловну... — он икнул, — я ж её так любил. Тань, а помнишь, как мы у неё на зимних кан-никулах ёлку наряжали? В большой гостиной-то, помнишь?

— Помню, конечно.

Пашка будил очень тёплые, буквально бесценные воспоминания, но они сейчас причиняли слишком много боли. А я и так после общения с бывшим мужем чувствовал себя как выжатый лимон.

Голова с утра гудела от пролитых слёз и скорби, а сейчас так и вовсе раскалывалась. Как продержаться до вечера — не представляла.

— А теперь... всё, понимаешь? — с самым несчастным видом констатировал он очевидное. — Она же п-последнее, что нас с детством связывало. Она же мне м-мать заменила.

Маргарита Павловна много кому мать заменила, включая меня. И это при том, что моя мать была жива-здорова. Просто не особенно интересовалась моим воспитанием. У них с отцом были дела поважней — они строили свои научные карьеры и, невзирая на то, что оные не приносили им почти никакого дохода, занимались своей единственной страстью до сих пор. Обо мне вспоминали только по большим праздникам. Я к такому положению дел давно привыкла, и меня их безразличие особо не трогало.

— Паш, надо как-то собраться. Всем тяжело. Но это придётся пережить.

— Вот я и пытаюсь, — тяжело вздохнул двоюродный брат, и на меня ощутимо пахло коньячным парами.

Вспомнились вдруг слова Горского о немалом долге, висевшем на Павле. Я прикусила щёку от досады. Как бы этот подонок ни глумился, против истины он не грешил — Пашка действительно был ему должен. Но, как знать, если вдруг окажется, что Маргарита Павловна отписала ему хоть что-то из того громадного состояния, которое оставила после себя, у него появится шанс по счетам расплатиться.

— Это, Паш, не самый удачный выбор, — сообщила я, потеряв нить от напряжения переносицу. — До поминального обеда пока не дошло, и поэтому в таком состоянии сейчас только ты.

— Значит, нужно просто немножечко подождать, — ухмыльнулся он.

— Не смешно.

— Да ты что, — он тут же помрачнел. — В такой день и смеяться... А ты не знаешь, завешание собираются зачитать до или после обеда?

Я пожала плечами.

— Понятия не имею. Тёткиного нотариуса я пока не видела. И прислуга ничего не докладывала.

— Ох, и куда все эти богатства уйдут? — задумчиво вздохнул Пашка и обвёл мутным взглядом пространство библиотеки. — Может, Маргарита Павловна этот дом между членами семьи поделила?

— Ох, я очень надеюсь, что нет, — искренне призналась я. — Иначе начнётся кровавая бойня.

— Представляю, как мой старшенький завешания дожидается, — невесело хмыкнул Павел. — Сергей буквально уверен, что Маргарита Павловна всё отписала ему. Говорит, мол, он столько раз на озеро её вывозил. Его юристы столько ей разобраться с делами помогали.

У Сергея были далеко идущие планы, и он не скрывал того, что в последние годы буквально рвал жилы, чтобы сделаться любимчиком Маргариты Павловны. Вот настолько плохо он знал матриарха нашего большого семейства, предполагая, что все его заискивания окупятся.

— Не переживай, — успокоила я. — Сергею твоему ничего не достанется. Вот увидишь, Маргарита Павловна наверняка ему какую-нибудь вазу свою отписала. Ночную. В качестве шутки.

Павел не сдержался и фыркнул.

— Ох, я жду не дождусь чтобы посмотреть на его спесивую рожу в этот момент! — но потом его лицо сделалось очень серьёзным, и на какое-то время он уставился вполне осмысленным взглядом в высокий потолок, украшенный затейливой лепниной.

— Но вообще, Танюш, ты права. Мало кто понимал Маргариту Павловну лучше тебя. А может, и никто не понимал её лучше тебя. Вы с ней как-то... на одной волне были, что ли...

— Я просто очень её любила, — проговорила я тихо, и набежавшие слёз тут уже размыли мой взгляд, сделав всё вокруг мутным, нечётким.

— Вот и я говорю... — пробормотал Пашка. — Поэтому нет, Серёжке-придурку ни черта не достанется. Да и всем остальным — какие-нибудь крохи. Ясно же, что вся наша нищая семейка вокруг неё кружила исключительно в желании пожить. Не-е-ет, Маргарита Павловна слишком хорошо это понимала. Если кому она свои богатства и отписала, так это тебе или... ну, или мужу твоему бывшему. Горскому.

Глава 5

— Что, прости?..

Мне показалось, высокий потолок с лепниной сейчас обрушится на мою несчастную голову.

Пашка, что ли, до белой горячки допился? А я и не заметила.

Но двоюродный брат ответил мне относительно ясным взглядом — настолько ясным, насколько такового можно было ожидать от любителя пригубить по поводу и без повода.

— Да ладно, — протянул он недоверчиво. — Ты только не говори, что не следила за его активностью в последние годы. Да и вообще как будто не знаешь, как Маргарита Павловна к нему относилась.

Я пыталась собрать расползавшиеся мысли воедино и сейчас чувствовала себя так, словно это у меня в крови блуждал алкоголь.

— Паш, она относилась к нему хорошо, потому что...

— Не только потому что он был твоим единственным, — ввернул Павел. — Вовсе не потому, Тань, вовсе не потому. Уж как бы она тебя ни обожала. С Горским у неё всегда были особые отношения. Ну ты разве не понимаешь?

Я сглотнула, не желая поддаваться его убедительному тону.

— Твой бывший муж навсегда остался для неё бедным сироткой, которого все в округе шпыняли, включая детишек нашей семьи. И неважно, что потом он вырос в матёрого волчару, которому никакого труда не составило бы перекусить любого, кто встал у него на пути. Это не важно. Он для нашей тётки навсегда остался обожавшим её Данечкой.

Я покачала головой и шепнула:

— Не хочу спорить об этом. Не хочу и не могу. Даже если это и так, она не стала бы... Да и зачем? Он богат до безобразия! На что ему ещё и её капиталы?

— А это тебе пришлось бы спросить у её большого сострадательного сердца, — меланхолично сообщил Павел. — Но вот увидишь, Маргарита Павловна не оставила своего сиротку без последнего подарка. Ни за что в это не поверю.

А мне уже казалось, что сегодняшний мрачный, беспросветный день ничто не сможет сделать мрачнее — ни ледяной дождь, лупивший в стёкла, ни шепотки окружающих, ни оглашение последней воли почившей.

Я выбралась из библиотеки в состоянии, близком к новому витку затяжной депрессии. У меня не было сил уже почти ни на что. Только бы как-то пережить предстоящий поминальный обед и пройти самое нервотрёпное испытание — зачитывание завещания.

Но когда дело дошло до этого жуткого «десерта», я отказалась идти в библиотеку, где собралась семья.

Сашка смотрела на меня как на сумасшедшую.

— Тань да ты что? Ну как это не пойдёшь? Это же... ну, это же важно. Это её последняя воля.

— Насколько мне известно, её последней волей было раздать все свои деньги по приютам. — пробормотала я. — Буду очень рада узнать, что так она в итоге и поступила.

Сестра нахмурилась. Она явно моих надежд не разделяла. Да никто их тут не разделял — ещё за обедом стало понятно, для чего тут все собрались на самом деле. Я не могла утверждать, что относилась с неприязнью ко всем, кто тут сегодня собрался, но циничность их ожидания доводила меня до белого каления. Возможно, именно это и сыграло роль последней капли.

— Саш, ты иди. Иди. Там уже почти все собрались. Я не могу. Вымотана до безобразия. Ещё и Горский...

Сестра округлила глаза.

— Он с тобой говорил?

— А ты, значит, не видела? — я отвела взгляд. — Не упустил возможности поздороваться

— Ты его спутницу видела? Мне кажется, она ещё костялявее стала. А я-то думала, он её себе завёл, чтобы она детишек ему нарожала. Вот я всегда говорила, что этот дьявол себе на уме. Сатанинское отродье этот твой Горский. Всегда таким был, таким и остался.

— Саш, можешь меня об этом не информировать, — горько напомнила я. — Мне известно, кто он такой.

Старшая сестра ещё потолклась со мной какое-то время, пока за двустворчатыми дверьми не скрылись последние «скорбящие» родственники, но потом и она вынуждена была оставить меня, чтобы примкнуть к остальным в жадном ожидании объявления последней воли Маргариты Павловны.

А мне даже рядом с библиотекой сейчас находиться не хотелось. Слова Пашки преследовали, чёрные мысли клубились в моей голове. Хотелось распечатать одну из массивных оконных створок и вдохнуть не по-весеннему холодный почти морозный воздух.

Господи, как же вы не вовремя ушли от нас, Маргарита Павловна. Как же мне вас не хватает. Вашего понимания, вашего участия, вашей почти волшебной способности утешить одним-единственным словом...

Слёзы снова покатались по моим заледеневшим щекам, а перед внутренним взором стояли совсем не её мягкие серые глаза. Из мрачных глубин моей памяти всплывал жёсткий взгляд бывшего мужа. Данила Горский смотрел на меня свысока. Как триумфатор. Как победитель, сумевший добиться всего, о чём мечтал ещё мальчишкой.

— Я твоей семейке ещё покажу, как с Горскими связываться.

— Ты, Данила, смешной, — звучал в голове мой собственный, ещё по-девчоночьи звонкий голос.

— А ты — красивая, — говорит он бесстрашно и смотрит-смотрит-смотрит, жадно и пристально. — Я когда вырасту и стану богатым, женюсь на тебе.

И слёзы льются сильнее, обжигают холодные щёки. В центре груди пылает злое, чёрное солнце. Не греет, а обжигает и колется.

Из мрачного транса меня выводит стук дверной створки и какой-то полупридушенный вдох.

Оборачиваюсь, вырванная из воспоминаний — на пороге библиотеки стоит Сашка. Её глаза — две слепые луны.

— Тань... — шепчет придушенно. — Ой, Тань... Ой, что теперь будет...

Глава 6

— Что?.. — я даже отступила от окна, невольно встревожившись при виде шокированной сестры.

На Сашку действительно было страшно смотреть — она вся побелела и выглядела так, будто Маргарита Павловна скончалась только сейчас, причём у неё на руках.

— Саш, что случилось?..

Сестра наконец сумела сфокусировать взгляд на мне.

— Тань, там... там какая-то вакханалия...

И я только сейчас обратила внимание на гул голосов за дверьми. Но обратила скорей потому что он нарастал. Временами даже можно было разобрать отдельные слова. Кажется, в процессе зачитывания завещания разразилась самая настоящая буря.

Мне вдруг подумалось, что я, видимо, сама того не ожидая, оказалась права — Маргарита Павловна все свои богатства отписала какому-нибудь приюту или питомнику. Это вполне в её духе. Наша тётка всегда была себе на уме. Если бы все в семье думали, что могут читать её, как открытую книгу, не вели бы себя весь день так настороженно. Не выискивали бы взглядами в толпе её поверенного Степана Павловича Куницына с заветной папкой в руке.

— Неужто Маргарита Павловна всё бедным раздала? — сумрачно хмыкнула я.

И удостоилась от сестры такого взгляда, что при всём желании не смогла бы его расшифровать.

— Шутки шутишь? — выдохнула она наконец и прижала руки к груди так, словно у неё заболело сердце. — Тебя вообще-то там ждут.

И она слабо кивнула в сторону приоткрытых дверей библиотеки.

— Меня?..

— Вот только не надо задавать идиотских вопросов, — предвосхитила Александра. — Иди. Степан Павлович тебе всё объяснит.

Мне никуда не хотелось идти, и меньше всего в библиотеку, гудевшую как разворошённый улей.

Но выбора мне, к сожалению, не оставили. Спустил ещё какое-то время, пока я нерешительно мялась, разрываясь между желанием всё-таки вытряхнуть из сестры хоть что-то удобное о произошедшем и попыткой подслушать, о чём там такой сыр-бор разгорелся, массивная створка двери поддавалась, и нотариус выглянул в коридор.

— Татьяна Сергеевна, — на его сухом бледном лице не отразилось даже тени удивления от того, что он не заметил меня среди присутствовавших при зачитывании завещания. — Можно вас на минутку?

Очень уж я сомневалась, что мы обойдёмся минутой.

— Конечно, Степан Павлович, — обхватив плечи руками, я под нечитаемым взглядом старшей сестры пошла к дверям.

В библиотеке было шумно и душно. Но стоило мне войти, как в помещении повисла мёртвая тишина. И это оказалось самым настоящим испытанием для моих и без того потрепанных нервов.

Я старалась ни на кого не смотреть — хотя бы по той простой причине, что все таранились на меня.

— Господа и дамы, — помпезно обратился к присутствовавшим Куницын. — Я попрошу вас покинуть библиотеку. Сейчас мне нужно пообщаться только с теми, кто по праву наследования должен тут находиться.

— Что ж, это более чем справедливо, — взрезал густую тишину подгуливавший голос Павла.

Судя по всему он единственный тут не расстроился и не пришёл в священный ужас от того, что услышал.

Мне каким-то чудом удалось поймать его взгляд — Пашка ухмыльнулся и подмигнул мне, но что это могло значить, я понятия не имела. Растерянность окутывала меня плотным одеялом, и мне казалось, я задыхаюсь. Задыхаюсь от неизвестности.

Особенно остро она ощущалась от понимания, что мне тётка ничего не могла оставить. Не могла и не собиралась. Сколько раз она мне и в шутку, и всерьёз говорила:

— Танечка, радость моя, ты прости меня старую жадину, но я тебе от своих капиталов ничего не оставляю. Деньгами ты распоряжаться... ну, не умеешь. Ты для больших денег слишком уж добрая. Ну, сможешь меня понять? Не обидишься? Не проклянёшь?

Меня такие разговоры, как правило, только смешили. Во-первых, я никогда и не зарилась на тёткины богатства. Во-вторых, мне хватало самокритичности, чтобы очень хорошо понимать, что тётка права. Тратить деньги рационально я не умела. В-третьих, сейчас я зарабатывала сама. Да, пусть не особо солидные суммы, но на жизнь одинокой разведёнки мне вполне хватало.

Собрание нехотя зашевелилось, в тишине змейками заструились хищные шепотки. Я по-прежнему ни на кого не смотрела.

Проходивший мимо Пашка легонько сжал моё предплечье и успел таинственно прошептать:

— Держись, царица моя. Всё образуется.

Всё ещё слишком остро ощущая нереальность происходящего и повинуясь молчаливому жесту затянутого в строгий костюм Куницына, я аккуратно присела на край кресла, стоявшего у массивного стола, за которым из высокого окна лился сумрачный свет угасавшего дня.

— Это просто какая-то ересь! — донеслось до меня, но я не смогла определить автора этого возмущённого шепотка.

Да и без надобности. Уверена, Куницын всё объяснит.

Я смиренно приготовилась ждать, пока решится организационный вопрос, но когда толпа в библиотеке постепенно рассеялась, умудрилась заметить кое-что, что моментально окунуло меня в жар, а оттуда беспощадно бросило в холодный пот — по левую руку от меня стояло второе массивное кресло. И в этом кресле восседал Горский.

Страшные подозрения легко и быстро отыскали путь в моё сердце.

Господи, Маргарита Павловна, что вы натворили?..

Правда, на счастливого наследника Горский ну никак не тянул — бывший супруг выглядел так, будто кто-то над ним основательно поглумился, но у него нет возможности шутнику отомстить. Он выглядел как разъярённый лев, которому пришлось втянуть клыки и когти, беснуясь внутри.

— Ну вот, — заключил Куницын, и следом за его лаконичным вступлением послышался стук закрываемой двери. — Наконец-то. А теперь к делу. Данила Александрович. Татьяна Сергеевна. Вы готовы меня выслушать?

Глава 7

— Данила Александрович. Татьяна Сергеевна. Вы готовы меня выслушать?

— Я тебя уже выслушал, Куницын, — процедил Горский.

И в его голосе было столько приглушенного гнева, что я невольно снова скосила на него взгляд.

Поверенного, впрочем, его рычание не особенно впечатлило. Я даже успела заметить, как в серых глазах мелькнуло что-то отдалённо напоминавшее иронию.

— Придётся вам, Данила Александрович, ещё немного меня потерпеть. Итак...

И он переложил на столе какие-то бумаги, но сделал это скорее для того, чтобы сохранить ауру деловитости. Уверена, он и без того прекрасно знал, о чём и как вести речь.

Я успела отметить, что даже тревога сейчас отступила — я невольно превратилась в слух, боясь пропустить даже самую незначительную мелочь. Тело напряглось, как струна, и я только надеялась на то, что мне хватит сил принять ту информацию, которую собирался обрушить на меня Куницын.

— За исключением мелочей, о которых я сообщил вашим, Татьяна Сергеевна, родственникам, всё своё движимое и недвижимое имущество Маргарита Павловна завещала вам. Как и сбережения на её банковском счёте.

Я моргнула. Потом ещё раз. И ещё.

— Нам?..

— Вам, — подтвердил Куницын. — Вам и вашему бывшему супругу, присутствующему тут Даниле Александровичу.

Мне показалось, Горский тихо зарычал из своего кресла. Как раненый зверь, который вынужден снова проходить через изматывающую его пытку.

— Простите, я... не понимаю. Что значит, нам? Почему? Зачем она так поступила?

Куницын смотрел на меня с отеческой улыбкой и выражением участия на лице — как человек, который ожидал от меня именно этих вопросов.

— Этот вопрос вы могли бы задать только Маргарите Павловне. При составлении завещания она не оставила никаких пояснений и устно ничего мне не передавала. И не просила вам передать. Мне жаль, Татьяна Сергеевна.

Я смотрела на него и понимала только то, что ничего не понимала.

— И... что мне с этим делать? Я не понимаю, что я теперь буду с этим делать. Мне полагается какая-то часть или...

Моё сумбурное бормотание прервало хмыканье из соседнего кресла.

— Не тяни, Куницын. Объясни всё до конца. Я что, обязан страдать в одиночестве?

Куницын выверенным движением развёл руки в стороны.

— Татьяна Сергеевна, вам отписано всё имущество и финансы с рядом условий. Этот особняк должен пережить реновацию, чтобы стать приютом. Детским приютом. Для этого у вас теперь достаточно финансовых средств.

Горский опять что-то рыкнул, но мой мозг и так работал сейчас перебоями — я пропустила его реакцию, пытаюсь вникнуть в тот сюр, который живописал мне Куницын.

— Вашим партнёром в этом деле станет ваш бывший муж Горский Данила Александрович. Только при согласии выполнить это условие вы вступите в права наследования.

— Н-нет, — я затрясла головой, и несколько завитых прядей упало мне на лоб.

Я смахнула их дрожащими пальцами и снова мотнула головой из стороны в сторону.

— Нет, я... мне легче оказать от этого. Я не собираюсь... Нет.

На лицо Куницына тут же набежала тень.

— Это очень прискорбный выбор. В этом случае все благотворительные проекты, над которыми работали предприятия вашей тёти, будут свёрнуты. Финансирования лишатся детские дома и больницы.

— Ч-что?.. — я выдохнула так резко, что в груди закололо.

Но Куницын смотрел на меня с таким непробиваемым выражением лица, что мне легче было себя признать сумасшедшей, чем поверить в то, что происходящее реально.

— Поосторожней с ней, Куницын, — мрачно предупредил из своего кресла Горский. — Она сейчас новую депрессию себе заработает. Твою мать, я-то следом за ней покачусь. Если бы я знал, что старая карга так цинично вокруг пальца меня обведёт, я бы ни за какие шиши не согласился ей помогать!

Не стоило ему вообще рот открывать. Потому что слова Горского не только ни черта не объяснили, а лишь ещё сильнее всё запутали.

Я тяжело дышала, шаря взглядом по полу, словно надеялась отыскать там ответы.

Может, Маргарита Павловна на старости лет умом повредилась? Очень похоже на то. Хотя я за ней ничего подозрительного ни разу не замечала. Но это может говорить и о том, что я зря ела свой хлеб. Я, конечно, не психиатр, но как психолог должна была бы заметить какие-то отклонения в её поведении.

Может, у неё проскакивали какие-то эпизоды, о которых в семье просто никто не заикался?

— Степан Павлович, — прошелестела я. — А вы уверены, что она продиктовала вам свою волю в здравом уме и трезвой памяти?..

— Это был мой первый вопрос, — проскрежетал Горский. — Когда завещание зачитали.

— Смею вас уверить, Маргарита Павловна была в добром здравии, — невозмутимо заметил Куницын. — Никаких оснований для того, чтобы заподозрить её в помутнении рассудка ни у кого бы и не возникло.

— Да всё это завещание — порождение больного рассудка! — рявкнул Горский. — Ты-то, Куницын, как это мог допустить? Она тебе весь этот бред диктовала, а ты с умным видом записывал, чтобы теперь вдоволь постебаться над нами?

— Данила Александрович, Я могу понять ваше возмущение. В конце концов, вы в отличие от Татьяны Сергеевны при отказе от выполнения условий пострадаете в финансово-материальном плане, но винить в этом вы можете только себя. Уверен, вы и сами это поймёте, когда первые эмоции схлынут. И будьте уверены, у меня нет никакого желания над вами, как вы изящно выразились, стебаться. Я всего лишь исполнитель последней воли моей клиентки. И приложу все усилия для того, чтобы всё было сделано по закону. А всё что вам нужно сделать — это просто попытаться договориться.

Глава 8

— Дань, а нам обязательно туда ехать?

В голосе Виолетты прорезались плаксивые нотки, и его едва не перекосило, причём не только от этого

— Сколько раз повторять? — он обернулся к ней, продолжая мучить свой галстук.

Виолетта опустила глаза и пробормотала:

— Извини. Я думала, со временем ты всё-так разрешишь мне.

— Даней меня называли только в детстве. И только те люди, которым я разрешал меня так называть, — напомнил он сухо. — Всё это давно в прошлом, и для тебя я никем, кроме Данилы, не буду. Это понятно?

— Понятно.

Сейчас она разыгрывала из себя смиренную овечку. Наверняка в надежде на то, что он передумает перетянуться на эти чёртовы похороны. Но он и не собирался менять своё решение. У него с Маргаритой Павловной осталось одно очень важное незавершённое дело. И он очень рассчитывал на то, что во время прочтения завещания всё прояснится. Нет, он даже не рассчитывал на это, он знал, что именно тогда их договор и будет наконец исполнен.

Но об этом никто, кроме него и покойной, не знал. А о второй причине он тем более не стал бы распространяться. Он любил старую каргу. Любил её как мать, которой у него никогда не было. Возможно, это единственная женщина в его чёртовой жизни, которую он любил — чисто, безоговорочно и безусловно. Просто потому что она в его жизни была.

— Тогда я надеюсь, вопрос закрыт окончательно.

— Само собой, — она одёрнула своё чёрное закрытое платье. — Мне там обязательно с кем-нибудь общаться? Я никого из того семейства не знаю.

— Тебе и не нужно никого из них знать, — Горский наконец справился с галстуком и потянулся за пиджаком. — Просто стой рядом и не раскрывай без необходимости рта. Это и всё, что от тебя требуется. Справишься?

— Если позже ты меня как следует побалуешь? — она раздвинула губы в призывной улыбке.

— Ненасытная кошка, — хмыкнул Горский. — Получишь своё, когда вернёмся.

— Тогда я в твоём полном распоряжении, — мурлыкнула она, на мгновение обнажая свою истинную сущность.

— Ты и так в моём полном распоряжении, — напомнил он буднично. — Кто платит за твоё содержание?

Вопрос ответа не требовал. Зато его требовала ситуация, когда они явились в особняк Мережской. В главной зале набилось столько народа, что его это столпотворение неминуемо позабавило.

Обширное семейство интеллигентов скучковалось вокруг остывшего тела почившего матриарха не столько чтобы воздать дань уважения, сколько ради «десерта». Несложно было заметить, как тот тут, то там кто-нибудь из его бывших родственничков по жене вытягивал шею, явно пытаясь рассмотреть в толпе всё прибывавших «скорбящих» бледную тень поведенного почившей, Куницына.

Сам он сейчас оказался с Мережскими в одной лодке, но с очень важным отличием — он немало вложил в то, чтобы оказаться сегодня в числе тех, кто будет присутствовать во время оглашения завещания.

— О, — послышался тихий выдох Виолетты. — И твоя бывшая тут.

Эта реплика не могла не привлечь его внимание. Подавив рефлекторное желание потереть шрам над левой бровью, Горский с выверенной неспешностью осмотрелся.

Стройный силуэт Татьяны в элегантном чёрном платье миди приковал его блуждающий взгляд.

Она выглядела ожившим поэтическим выражением скорби. Бледные тонкие запястья, строгий профиль, собранные в аккуратный пучок тёмные вьющиеся волосы. Её внешность не портило даже горе. Как это так выходило — он не понимал до сих пор.

Чёртова ведьма.

— Она на тебя даже не посмотрела, — шепнула у него под боком Виолетта.

Он метнул на любовницу грозный взгляд.

— Я же, кажется, попросил тебя без надобности рта не раскрывать.

Скосил взгляд на её бокал и добавил.

— Напитками не увлекайся. Иначе отправишься домой куда раньше, чем рассчитывала.

Виолетта надулась, но не посмела и слова сказать поперёк.

— Что, пойдёшь поздороваться? — разгадала она его желание.

— Стой на месте, — приказал Горский и двинулся по направлению к Татьяне.

Его тянула к ней непонятная сила. И очень глубоко в душе он почти признавался себе в том, что это какое-то колдовство. Не важно, какие чувства будила в нём эта женщина, но будила всегда. Он мог испытывать к своей бывшей жене что угодно, кроме безразличия, чёрт бы её побрал.

— Данила, здравствуй, — на пути у него, как чёрт из табакерки, возникла Александра, старшая сестра Татьяны.

Её серый взгляд беспокойно бегал по его лицу, словно пытался разгадать его намерения.

— Здравствуй, — бросил он, даже не потрудившись придать голосу хотя бы подобие вежливости. — Мне некогда сейчас говорить.

— Ты к Татьяне? — она тоже не стала расшаркиваться. — Если да, то я прошу тебя, не стоит. Меньше всего она сейчас захотела бы общаться с тобой.

Горский полоснул по своей бывшей свояченице уничтожающим взглядом.

— Тогда пусть она сама мне это и скажет. Твоего мнения я не спрашивал.

Глава 9

— Поговорили? — в глазах Виолетты плескалось жадное любопытство.

Но он ответом её не удостоил. Он не собирался ни с кем обсуждать свой диалог с бывшей женой.

Татьяна вела себя, как повела бы обычно. Похороны при этом были лишь фоном — скорбным и мрачным, конечно, но сути их отношений они поменять не могли.

Его одновременно невыносимо бесило это обстоятельство и странно подзуживало. Как рана, которая настырно не желала заживать.

И кто бы мог подумать, что несколько часов спустя в эту рану воткнут раскалённый нож и парочку раз его там безо всякой пощады провернут. И сделает это не кто иной как его почившая тётка!

— Куницын, ты шутишь, я так понимаю? — хрипло выговорил он, когда битком набитая родственниками библиотека погрузилась в мёртвую тишину.

Поверенный Мережской преспокойно опустил документ, который только что зачитал, и послал Горскому невозмутимый взгляд.

— Данила Александрович, вы же знаете, шутник из меня никудышный.

А вот из его названной тётки шутница оказалась что надо.

— Это же бред, — его взгляд приковался к листу, с которого ему только что зачитали приговор. — Эта чушь не может быть правдой.

— У меня есть доказательство обратного, — Куницын постучал пальцем по документу. — Маргарита Павловна решила, что такому важному и серьёзному делу потребуются две головы, тем более что ваши головы мыслят очень по-разному. Она всегда говорила, что в этом ваша сила.

Тётка выжила на старости лет из ума. Выжила, а он этого и не заметил. Его так ослепили нарисованные ею перспективы, он так жаждал порадовать старую каргу, доказать ей свою преданность, показать, что она не зря все эти годы единственная верила в него... он так всем этим был ослеплён, что проморгал самое главное!

— Этот... этот документ придётся оспорить, — он ткнул пальцем в чёртово завещание. — Она была не в своём уме, когда такое тебе надиктовывала. И тебе бы, Куницын, стоило это сразу понять!

Твою мать, он позволил своему гневу выйти из-под контроля. Зато это несло и определённые плюсы — поползшие было по библиотеке возмущённые шепотки тут же стихли, и сейчас казалось, что никого, кроме них с Куницыным, в помещении и не осталось.

Виолетта склонилась к нему, чтобы что-то шепнуть на ухо, но от неё отмахнулся.

— Прискорбно, что вы сомневаетесь в здравом уме своей тётушки, — Куницын без запинки окрестил их родственниками. — Маргарита Павловна была в здравом уме и ясной памяти, когда диктовала своё завещание. Необходимые медицинские заключения у меня имеются.

Горский стиснул челюсти до онемения в дёснах, до боли в зубах.

— Выходит... — прорычал он, — старая ведьма заставила меня вложиться во все её начинания, чтобы после этого вот так меня опрокинуть?

— Ну что вы, Данила Александрович, — Куницын приложил ладони друг к другу, будто собирался прямо сейчас помолиться. — Откуда у вас такие странные выводы? И почему вы считаете сотрудничество с Татьяной Сергеевной такой мрачной перспективой? Ведь оно может принести столько пользы.

— Кому? — рявкнул Горский. — Кому такое сотрудничество может принести реальную пользу?

— Но это же очевидно. Сотням, а то и тысячам бездомных детей, — Куницын был непоколебим. — Вы только вдумайтесь, сколько добра вам предстоит совершить. А ваши вложения окупятся сторицей. Вы можете быть уверены в том, что ваши деньги послужили доброму делу. Ну вложились бы вы вместо этого в какие-нибудь рискованные инвестиционные проекты, и никто бы вам успеха не гарантировал. А тут... во всех отношениях благое дело.

Выходит, всё это время он инвестировал в приюты, в детские дома, в благотворительность, в то время как тётка тупо его разводила! Воспользовалась его безграничным доверием к ней и развела! Единственный раз он позволил себе расслабиться и ничего не проверять, единственный раз он доверился человеку, который никогда в жизни его не подводил, и так погорел на этом доверии!

— Выведи их, — прорычал он. — Выведи всех этих нахлебников. Какого чёрта они тут торчат? Им всё равно ничего не досталось.

Куницын не стал возражать. Он не дурак, чтобы не понимать — в таком состоянии Горский был способен на что угодно, невзирая на любые последствия.

— Пожалуй, вы правы, — он кивнул. — Заодно Татьяну Сергеевну позову. Как-никак отныне вам предстоит договариваться по вопросам, связанным с наследием вашей тётушки, сообща.

Он помедлил, но потом всё же добавил:

— Даниила Александрович, я понимаю ваше возмущение, но хочу, чтобы вы помнили — несоблюдение условий лишит вас всякой возможности вернуть даже копейку из вложенных в проекты Маргариты Павловны средств. Но если вы желаете получить свои дивиденды — вы проявите благоразумие. А я вас всегда считал человеком благоразумным. Поэтому не призываю вас прислушаться к своему сердцу, прислушайтесь вместо этого к своему деловому чутью.

Глава 10

— Всё, что вам нужно сделать, это попытаться договориться.

Слова поверенного продолжали звучать в моих ушах на какой-то неправдоподобной ноте, будто кто-то без предупреждения врубил сирену.

Эти слова выедали мне мозг, заставляя морщиться как от физической боли.

— Степан Павлович, при всём уважении... — отозвалась я хрипло, мечтая о стакане холодной воды. Он скорее для того чтобы выплеснуть его себе в лицо и проснуться.

— Ничего, кроме уважения, я от вас никогда и не видел, Татьяна Сергеевна.

Мне казалось, он издевается. Так же, как поиздевалась над нами Маргарита Павловна, когда составляла это проклятое завещание.

— Я не вижу такой возможности. В принципе. Понимаете?

— Ну, тогда это очень прискорбно, — со спокойствием удава резюмировал Куницын. — И в целом последствия такого решения я вам уже описал. С другой стороны, я понимаю вас, если вы действительно захотите так поступить. Ну, конечно, помимо того печального факта, что обречёте приюты на прекращение финансирования. Но ваше желание отомстить бывшему мужу по-человечески мне понятно.

Я сглотнула. Разговор принимал нежелательный поворот, притом неожиданно нежелательный. Я о мести совершенно не думала. Я понятия не имела, насколько глубоко Горский влез в какие-то совместные проекты с покойной тёткой. Маргарита Павловна ни полусловом об этом мне не обмолвилась. Что бы они там вместе ни кашеварили, они делали это втайне.

— Предупреждаю, — голос бывшего мужа застелился по моей коже, заставляя её пойти мурашками от нервно напряжения. — Я такое решение без ответа не оставляю.

Я скосила на него взгляд, сильнее всего мечтая больше вообще никогда с ним не заговаривать. Но кто же мне подарит такую-то роскошь?

— Без какого ответа? — ощерилась я. — Как ещё ты собираешься меня унижить? Потому что, конечно, сделанного тебе недостаточно. В твоих садистских наклонностях я не сомневаюсь, но ты не стесняйся. Анонсируй.

Горского присутствие третьего лица ничуть не смутило. Он вообще редко заботился о мнении посторонних. Это качество ему ещё в детстве отбили те, кто не ставил его ни во что. Но если поскорбеть о забитом мальчишке я могла, то о нынешнем Горском — ни за что и ни при каких обстоятельствах. Потому что из затюканного сироты выросло настоящее чудовище с клыками до колен. Ничья ему жалость давно не сдалась. И моя — в последнюю очередь.

— Если потребуется, радость моя, я к батарее тебя прикую вот в этом самом особняке, который так любезно отписала нам наша тётушка, — глумливо пообещал он. — И кто мне запретит? Кто мне помешает? Всё для того, чтобы выполнить её последнюю волю и не оставить бедных сироток без поддержки, в которой ты так легко им отказываешь.

Я стиснула зубы едва ли не до хруста.

Куницын безмолвствовал. Он не арбитр и не судья, чтобы хоть как-то модерировать наше «конструктивное» общение. Его волновала только судьба завещания и наши планы в отношении зафиксированных в нём условий.

— Я не вижу смысла продолжать этот спор. Это бесполезная трата времени.

У меня начинала болеть голова. На виски давило, и всё, чего мне хотелось, это закрыться ото всех и вся, побыть наедине с собственным горем.

— Татьяна Сергеевна, — всё-таки вмешался Куницын. — Я понимаю вашу растерянность.

Я очень сильно сомневалась в том, что он понимал. Но и на попытки убедить его войти в моё положение сил тратить не стала.

— Я предлагаю вам с Даниилом Александровичем взять паузу. Я даже настаиваю на этом. Переспите с этой информацией, позвольте ей немного улечься в ваших головах, а через несколько дней мы с вами встретимся снова и всё снова обсудим. А сейчас... потратьте это время на то, на что его обычно тратят скорбящие люди. Я не хочу отбирать я у вас это право. Не хочу и не буду.

— Тем более что поводов для скорби явно прибавилось, — прорычал Горский. — После такого подарочка от покойной мне явно понадобится юридическая консультация.

— Как вам будет угодно, — с вежливой улыбкой отозвался Куницын.

Он держал себя слишком уверенно, чтобы ожидать хоть какого-то поворота в этом кошмарном сюжете. Маргарита Павловна с этим хитрым лисом наверняка потратили немало времени на то, чтобы даже юристы Горского не подкопались

— Извините, — я выбралась из кресла и одёрнула подол своего траурного платья. — Я действительно сейчас не готова к подобным переговорам.

— И когда ты будешь готова? — потребовал ответа бывший супруг.

— Когда ты вернёшь себе хотя бы подобие человеческого облика, — отрезала я и пошла к выходу. — До свидания, Степан Павлович. Назначьте новую встречу и сообщите мне дату.

— Договорились, — отозвался поверенный.

— Надолго в прострацию не впадай, — врезалось мне напоследок от бывшего мужа. — У нас с тобой впереди увлекательные переговоры, Татьяна. Советую к ним как следует подготовиться

Глава 11

— Я просто... я ума не приложу, как это назвать, — Сашка таращилась на меня через столик в ближайшем кафе, куда она меня затащила после того, как я, спотыкаясь, выбралась из библиотеки.

Вообще-то я собиралась вызвать такси и уехать домой. Но она мне не позволила.

— Тань ты сдурела? — без церемоний заявила она. — Я тебя в таком состоянии никуда не отпущу! Ты себя... ты бы себя видела.

Нет, спасибо. Этого мне сейчас хотелось меньше всего.

Поэтому я не стала сопротивляться. Да у меня и сил на это не было никаких. Внутри всё переворачивалось от одной только попытки вернуться мыслями к завещанию. Если честно, ощущение нереальности произошедшего дало настолько мощный эффект, что я почти всерьёз полагала, что в действительности этого не случилось.

Может, если бы я до сих пор была на медикаментах, которые принимала во время депрессии, я бы искренне уверовала в то, что это таблетки оказали на меня такой мощный побочный эффект под влиянием скорби и стресса.

Но увы, таблетки я давно не принимала. Алкоголь — в смешных дозах. Оправдать случившееся было нечем.

Да и сидевшая сейчас напротив старшая сестра с белым от шока лицом тоже не позволяла усомниться в реальности произошедшего.

— Думаешь, я знаю, как это назвать? — хрипло шепнула я и жадно припала к своей чашке успевшего чуть остыть чая. — Мне до сих пор кажется, Маргарита Павловна была не в себе. Но Куницын, конечно же, уверяет, что она прекрасно осознавала, что творила.

— Как ей такое вообще пришло в голову? Как она додумалась до такого?.. И главное, на что рассчитывала? — ужаснулась сестра. — Во-первых, всем остальным она по сути ничего не оставила. Вот ты понимаешь? Практически ничего. Так, мелочь какую-то. Говорить даже стыдно. Это даже подачкой-то не назовёшь. Это вот именно что форменное издевательство. Ну вот как с вами она обошлась, так, получается, и с нами.

Я метнула на Сашку взгляд.

— Ты на неё теперь злишься?

— Я? — и сестра даже ткнула себя пальцем в грудь. — Да бог с тобой, Тань, бог с тобой! Не нужны мне её капиталы! Что б я делала с ними? Мне ничего и никогда от Маргариты Павловны не было нужно. Я, знаешь ли, не претендовала. Это вон, Серёжка наш, дурачок, на задних лапках скакал перед ней. Доскакался!

И она даже усмехнулась, видимо, припоминая реакцию нашего двоюродного брата, которую я не застала, потому что благоразумно отказалась присутствовать при зачитывании завещания.

Правда, в итоге это меня не спасло. Может, даже в итоге пошло мне во вред. К привету тётки «с той стороны» я оказалась явно не готова.

— Ну а во-вторых? — напомнила я.

Сашка моргнула, а потом вспомнила, о чём речь. Безразлично пожалала печами.

— Ну а во-вторых, она бы хоть подумала, на что тебя обрекает. Как это вообще можно понять? Она же любила тебя. Любила до безобразия! И этого демона в человеческом обличье тоже любила. Ну ладно, раз уж ты так пылаешь нежными чувствами к обоим, так раздели капитал! Часть — одной, часть — другому. А это? Это что вообще? Будто она проклясть вас обоих решила. И если Горскому поделом, то тебе-то за что она мстит?

Я вздохнула, до сих пор чувствуя осязаемое стеснение в груди и радуясь только тому, что сердце у меня пока не прихватило.

— Это, Саш, всё замечательные и очень правильные вопросы. Но у меня на них нет никаких ответов. Можно ещё было бы надеяться на какую-то приписку к завещанию, но Куницын заверил нас, что никаких приписок нет. Она не сопровождала свою волю никакими комментариями.

— Все в полнейшем шоке сейчас... — покачала головой сестра и отпила из своей кружки. — В полнейшем ступоре. Но долго это состояние не продлится. Я не удивлюсь, если они попытаются как-то оспорить документ.

— Удачи им в этом, — хмыкнула я, вспоминая комментарии Куницына. — Насколько мне известно, Маргарита Павловна провела ювелирную работу. Каждую букву отточила

Что вообще-то шло вразрез с нашими рассуждениями о том, что завещание она составляла в припадке накатившего на неё сумасшествия. Нет уж, тут чувствовался холодный, если не циничный расчёт. Только бы понимать, за что мы заслужили такое к себе отношение.

— Фу-у-у-ух, - выдохнула Сашка и покачала головой. — Ну и денёк... Слушай, и что ты теперь будешь делать?

Еще один хороший вопрос.

Я подняла больной взгляд на сестру и едва заметно пожала плечами.

— Что и все последние годы. Бороться и выживать.

Глава 12

— Готова?

— Нет.

Я одёрнула полу жилетки и потянулась за строгим жакетом. Я понимала, что такой официальный стиль — всего лишь жалкая попытка сохранить хотя бы крохи самообладания.

Три последних дня я почти не спала, и даже успокоительные на пару со снотворным меня не спасали. Мозг работал 24 на 7. Я рылась в памяти, раз за разом перерывала все воспоминания, до которых удавалось сейчас дотянуться, чтобы наконец-то понять, зачем и почему Маргарита Павловна так со мной поступила.

Когда я успела обидеть или оскорбить её настолько жестоко, что она обрушила на меня эту кару небесную? И главное, завязала её на мою совесть, на мою добропорядочность. Оставила мне выбор без выбора.

И самое главное, сделала это втайне, ничего мне не объяснив, даже ни разу не намекнув на то, что меня ждёт после того, как она нас покинет.

Галина Ивановна поджала свои узкие губы, отчего они вообще пропали с её лица, и смахнула с моего плеча несуществующую ворсинку.

— Тань, запомни, пожалуйста, одну очень важную вещь — я пообещала, что никуда от тебя не денусь, пока меня не вынесут из твоего жилища вперёд ногами. Поэтому ты должна помнить, что всегда можешь рассчитывать на меня.

Такое заявление от бывшей компаньонки Маргариты Павловны не помогло — ком подкатил к горлу, и на глаза навернулись новые слёзы

— Галина Ивановна...

— Ты должна это помнить, — строго напомнила она. — После твоего развода Марго велела ни на шаг от тебя не отходить, и я намерена исполнять её волю до самого своего конца.

— Если бы не вы, я бы уже давно руки на себя наложила, — всхлипнула, вспоминая, как эта по сути чужая мне женщина, с кем я не связана никаким кровным родством, взяла на себя буквально роль моей сиделки.

Только благодаря ей я всё-таки не загремела после развода с Горским в спецучреждение. Она стояла на страже моего рассудка, как бдительный часовой.

— Брось о таком говорить, — она приобняла меня за плечи и посмотрела в глаза прямо и не мигая. — Я знаю тебя и знаю, на что ты способна. Ты со всем справишься и поступишь так, как нужно.

— Но я не знаю, как нужно! — воскликнула я в приступе малодушия. — Я себе всю голову сломала за эти несколько дней.

— Ты сломала её не из-за того, что не знаешь ответ, а как раз из-за того, что он тебе давно известен, — заявила Галина Ивановна. — И смею думать, известен он был тебе ещё в библиотеке после зачитывания завещания.

Я так совсем не считала, но спорить не было смысла.

К тому же день встречи с Куницыным наступал не сегодня — нет, на сегодня встречу мне назначил мой бывший муж. И сейчас я отказать ему не могла, потому что случилось самое страшное — мы с ним оказались в одной лодке. И решить эту головоломку, возможно, сможем лишь сообща.

В это тяжело было поверить, но если альтернативой безвыходной ситуации, в которую нас поставило завещание тёти, было хоть что-то, где мог забрезжить для меня свет надежды на выход из этого капкана, я бы приняла предложение пообщаться даже от дьявола.

Или я потрачу сейчас час-полтора на обсуждение возможной стратегии с самым ненавистным человеком на свете, или вынуждена буду связать себя с ним по рукам и ногам, возможно, на всю дальнейшую жизнь.

Из двух зол я выбрала первое.

Горский, не иначе чтобы меня впечатлить, прислал за мной одно из своих авто — с шофёром в ливрее.

Я не стала обращать внимания на эту клоунату, но про себя отметила, что нужно держать ухо востро. Возможно, этот сбивающий с толку антураж — часть какого-то хитроумного плана.

Авто прикатило меня к помпезному входу в загородный ресторанный комплекс, но я и на это не стала внимания обращать. Если ему так хочется, он может сколько угодно трясти передо мной своими разбухшими капиталами.

Не впечатлит — на это пусть и не надеется.

— Госпожа Мережская? — на входе ко мне подскочил ещё один ливрейный. — Прошу вас. Данила Александрович вас уже ждёт.

Такая осведомлённость и подобострастие в голосе заставили меня заподозрить — а не был ли Горский тут полноправным хозяином?

Я бы совсем этому не удивилась.

Окунувшись в роскошный уют просторной VIP-залы, я как солдат прошагала до столика, за которым восседал мой бывший супруг.

— Ну здравствуй, императрица, — Горский окинул меня взглядом с ног до самой макушки. — Готова обсудить наше совместное правление империей сиротских приютов и богаделен покойной самодержицы Мережской?

Глава 13

— Я могу надеяться хотя бы на то, что ты проявишь толику уважения к той, кто тебя воспитал?

Мой голос был ровен и холоден, и Горский ни за что не догадался бы, что внутри меня колотило.

Тут безотказно срабатывал давно выработавшийся рефлекс — я не могла позволить демонстрировать своему бывшему мужу хоть какую-то слабость. Он тут же ухватится за свои наблюдения и надвиг именно туда — в самое больное место, которое я умудрилась по дурости перед ним обнажить.

— Уважения к женщине, которая меня с такой хладнокровной циничностью нае... обманула? — великодушно поправился он, прежде чем скатился в площадную брань. — Ну, даже не знаю, радость моя. Даже не знаю.

— Это твои хоромы? — я окинула взглядом роскошные интерьеры и только после этого сдалась и опустила за стол напротив него.

— А ты по-прежнему проницательная и бьёшь прямо в глаз, — и он глумливо подмигнул мне левым глазом, над которым красовался оставленный мною шрам.

— До сих пор корю себя за недостаточную меткость.

Глаза Горского восхищённо блеснули, но он предпочёл прокомментировать по сути дела.

— Два года строили. Нравится?

— Нет.

— Значит, где-то недоработал.

— И чего же ты тогда ноешь, что тебя Маргарита Павловна обманула? К чему эти лицемерные стоны, если дела у тебя идут дай бог каждому?

Горский прищурился.

— Я терпеть не могу, когда из меня делаю дурака.

— Ну а я могу за это Маргарите Павловне только поплодировать

— Можешь, конечно. — с лёгкостью согласился бывший муж. — Пока не вспомнишь, что она и тебе подножку поставила. И до того удачную, что ты даже на эту встречу согласилась. Хотя мне ли не знать, что ты на такое ни за что бы не пошла бы, если бы не отчаяние.

Я поджала губы, с досадой осознавая, что раунд остаётся за ним.

— Чем она тебе так насолила?

— Она наплодила проектов, в которые попросила основательно вложиться в меня. Проекты благотворительные, но с многообещающим потенциалом, в том числе репутационным. А потом оказалось, что вся доходность сопутствующих этим проектам мероприятий завязана на условиях этого грёбаного завещания. Всё гениальное просто. Выполнишь контракт — получишь право пользоваться активами, не исполнишь — ну, давай, до свиданья. Оцени дерзость затеи!

Мне захотелось вдоволь похихикать над его возмущением.

— А ты, значит, так хорошо в них сложился, что плюнуть на условия и уйти себе не позволишь?

Молчание мне стало ответом. Я кивнула и скривила губы, а потом не удержалась и с нарочитой медлительностью несколько раз хлопнула в ладоши.

— Браво, Маргарита Павловна.

— Ты настолько меня ненавидишь, что готова простить ей даже то, что она сотворила с тобой?

Я опустила руки и уставилась на него:

— Мне о пролюбленных капиталах вздыхать не придётся. Я могу просто отказаться от того, что моим никогда и не было. На что я никогда и не рассчитывала.

Горский какое-то время внимательно меня изучал, потом откинулся на спинку стула и едва заметно кивнул.

— Вот даже как? И ты, выходит, настолько сейчас бессердечна, что обречёшь на лишение финансирования сирот?

Я приложила немало усилий, чтобы не отвести взгляд. Но и это не помогло.

— Извини, моя мстительная ведьма, но я тебе не поверю.

Была бы во мне хоть доля того, что делает из женщин ведьму, и я смогла бы придушить свою совесть, плюнуть на всё и выбрать в этой битве себя. Не обрекать себя на очередной жертвенный акт, а проявить эгоизм.

Почему я должна печься о каких-то безымянных, мне незнакомых сиротах, а не о себе — самом близком мне в конце концов человеке?

«Потому что тогда ты вряд ли была бы тем человеком, которого смогла бы любить», — шепнул кто-то невидимый мне на ухо.

И я этому незнакомцу ничего не смогла возразить.

— Она нас обоих ухватила за самое уязвимое, — пробормотала я, до рези в глазах разглядывая белоснежную скатерть.

— Похоже на то, — согласился бывший супруг. — И отомстить мы этой вздорной старухе больше не можем. Ну, кроме того, что откажемся её условия выполнять.

— А что тогда? — нахмурилась я и посмотрела на Горского, только сейчас осознав, что за накатившим на меня шоком при прочтении завещания до сих пор не озадачилась этим вопросом. — Если мы оба откажемся от этих условий, что станет с её капиталами тогда?

— О-о-о-о, — Горский растянул губы в хищной ухмылке. — А вот тогда начнётся самое интересное, радость моя.

Глава 14

— Не тяни, — потребовала я ответа, а внутренне содрогнулась. — Объясни, если знаешь. Мне вообще не хотелось этого знать. Мне не хотелось знать ничего. Внутри я корчилась, визжала и упиралась. Внутри я буквально сходила с ума от нервного напряжения, которое вызывало просто присутствие рядом моего бывшего мужа.

Горский не спускал с меня глаз.

Господи, как я отвыкла от его взглядов — прямых, пристальных, пронизывающих до самых костей.

— Обычно я не жалею на уровень собственной осведомлённости, — хмыкнул бывший супруг. — Но это тот случай, когда я не прочь был бы знать об этом как можно меньше.

Боже ты мой, неужели всё настолько плачевно?.. В голове закрутились какие-то совершенно безумные сценарии, но я терпеливо ждала, пока Горский перестанет мучить меня неизвестностью.

Сообразив, что я не буду его умолять об ответе, он снизошёл.

— Если мы откажемся принять условия завещания, финансирование всех объектов обрубается. Но об этом ты уже слышала. А всё движимое и недвижимое имущество станет своего рода трофеем.

— Что?.. — я наморщила лоб, пытаюсь сообразить, что скрывалось за таким неожиданным определением.

— Ну да, — фыркну Горский. — Я тоже остался под впечатлением. С того света тётка предлагает сыграть своим многочисленным наследникам в своеобразную игру. Отыщи способ подставить ближнего своего и доказать, что ты больше остальных достоин куска состояния.

Я вытаращилась на бывшего мужа, на несколько мгновений даже успев позабыть о нашей непримиримой ненависти друг к другу.

— Ты... издеваешься, что ли? Это шутка такая?

— Радость моя, я понимаю, что в твоих глазах навсегда останусь мерзостным монстром, но даже я не смогу в монструозности перещеголять нашу Маргариту Павловну. Если ты не веришь тому, что я тебе рассказал, предлагаю прямо сейчас Куницыну позвонить. Он тебе подтвердит, что я ничего не выдумал, а всего лишь пересказал условия этого сказочного документа. Этого порождения сумрачного разума, который Куницын настойчиво называет завещанием.

Я не смогла удержаться. Поставила локти на стол и опустила лицо в ладони, пытаюсь принять услышанное.

— Она... чего она хотела добиться? Того, чтобы они передружились друг друга?

— Похоже на то, — со спокойствием циника отозвался Горский. — И вот в этом конкретном моменте я поддерживаю её решение всем тем, что бьётся в моей груди вместо сердца.

Отметя его кровожадный комментарий, порождённый ненавистью к Мережским, я всё ещё пыталась понять.

— За что она так нас всех ненавидит? Я просто... я не понимаю. Это завещание как будто какой-то маньяк составлял!

— Прелесть какая, — умилился Горский. — Даже удивительно, что ты до сих пор жила в таких непроходимых иллюзиях. Ну ладно, я ещё могу понять твоё недоумение по поводу собственной кандидатуры. Но остальные... радость моя, ты действительно ничего не замечала?

Я оторвала лицо от ладоней и посмотрела на бывшего мужа.

— Что я должна была замечать? — спросила чуть ли не с вызовом. — Что они все крутились вокруг её капиталов? Крутились, и что? Можно подумать, они могли как-то выдернуть их из-под неё. Кто-то хитрил, кто-то подлизывался, кто-то пытался ей угодить...

— Кто-то всего лишь планировал сжить её со свету. Но это, само собой, мелочи, — оборвал меня Горский. — Согласен, из-за этого вовсе не стоит по заслугам никому воздавать.

— Сжить со свету? — прошелестела я, чувствуя, как немилосердно вдруг ссохлось в горле. — Горский, что ты несёшь?

Но муж смотрел на меня с лёгким прищуром, словно вычислял, искренна ли я в своём изумлении. Потом, видимо, рассудил, что мой шок — не притворство, и сообщил совершенно обыденным тоном:

— Слушай, а я начинаю оттаивать. Думал, тётка исповедовалась только тебе. А оказалось, я таки занимал в её сердце не последнее место.

Неужели это правда? Неужели она так доверяла ему, так откровенничала с ним, что повеяла ему такие страшные тайны? Тайны, о которых я до сих пор ничегошеньки не подозревала!

— Прелесть моя, я всегда поражался твоей неизбывной наивности, — хмыкнул Горский. — Ты до сих пор не понимаешь, в какой семейке живёшь. Ну раз на меня легла святая обязанность тебя просветить, то вот тебе горькая правда. Вы, Мережские, те ещё экземпляры. Ради спасения собственной шкуры готовы родную тётку со свету сжить. Ты бы у сестры своей об этом подробнее порасспросила. Уверен, она многое могла бы тебе рассказать.

Дорогие читатели,

у моей книги **«Измена. Я тебя разлюбил»** вышла последняя глава.

Прочесть целиком: <https://litnet.com/shrt/g6gJ>

— У тебя появилась любовница?

Муж смотрел на меня с безразличием.

— Что, извини?..

— Или ты пока гадаешь, хороша ли для этой роли дочь твоего делового партнёра? Я вот гадаю, хватит ли тебе честности это признать.

Игорь смерил меня уничижительным взглядом:

— Ждёшь от меня шока и оправданий?

— Я жду от тебя правду!

— Как угодно. Она не просто любовница, Даш. Она способная молодая специалистка. К тому же дочь уважаемого человека.

— Ты... действительно спишь с дочерью партнёра? — выдавила я из себя.

Муж посмотрел на меня с недоумением.

— Даш, я тебя не пойму. Ты ведь правды хотела? Ты её получила. Что-то не так?

Один случайно подслушанный разговор уничтожил 30 лет брака и открыл для меня тяжёлые тайны, которые скрывал от меня муж...

♥# властный и жестокий мужчина

♥# молодая любовница

♥# очень эмоционально

♥# ХЭ

Глава 15

— Ты... о Сашке сейчас говоришь? — прохрипела я, отказываясь даже на мгновение задумываться над его предложением.

И, кажется, Горский это понял. Понял мгновенно и даже скрывать не стал, что его моя реакция позабавила.

— Нда-а... так у нас с тобой эффективное сотрудничество не заладится, — проговорил он с ощутимой ленцой. — А мне казалось, опыт нашей непростой семейной жизни смог воспитать в тебе хотя бы каплю трезвого взгляда на жизнь.

— Каким образом твоё скотское отношение ко мне смогло бы такую магию повернуть? — процедила я, продолжая пережёвывать его слова в своей голове.

— Мне нравится твоя избирательная слепота, — усмехнулся Горский. — То, что ты называешь скотским к тебе отношением, из ничего не появилось. Только после того, как ты раз за разом делала неправильный выбор между мной и собственной семьёй. Это ведь тоже своего рода измена, ты так не считаешь?

Я зажмурилась и мотнула головой, вынуждая непослушные пряди рассыпаться по плечам.

— Хватит нести эту ересь! Не пытайся своё предательство оправдать!

— Мне это незачем делать.

— Незачем? — прошипела я. — Как же незачем, если ты стремишься вернуть себе почву под ногами, после того как завещание неплохо тебя по темечку приложило!

— Татьяна, — Горский подался вперёд и положил локти на стол, сцепив пальцы в замок и невольно привлекая внимание к своим загорелым кистям, резко выделявшимся на фоне белоснежной скатерти. — Кажется, ты готова забыть, что наш отказ от завещанного приведёт к плачевным последствиям не только для капиталов Мережской. Но об этом тоже не мешает напомнить. Так вот, деньги рано или поздно осядут в чьём-нибудь кармане и будут нещадно разбазарены на личные нужды. Ну а учитывая дрянную репутацию твоей нищей семейки, никто из родственничков и не подумает пустить эти суммы на благотворительность, верно? Не требующий ответа вопрос. Так вот, выбор тут очень простой — либо они, либо мы. *Tertium non datur*, радость моя.

— Господи, какая же ты сволочь... — прошептала я.

— Но эта сволочь разбирается в обстановке, — самодовольно заявил Горский. — И ты не считаешь, что это несомненный плюс?

— Плюс?

— И он в том, что эта сволочь прекрасно знает о твоём к ней отношении и никаких претензий к этому отношению не имеет. Это чистая сделка, моя колючая звёздочка. Бизнес, общее дело, проект. Называй, как тебе заблагорассудится. Тут дело даже не в том, чтобы сироток бедных спасти, а в том, чтобы не позволить твоей гнусной семейке за счёт тёткиной собственности пожить. Думаешь, ей было бы приятно узнать, как ты поступила, отказавшись от её предложения?

— Если бы ей это было так важно, она бы меня хоть как-то предупредила!

Я всё-так позволила своему негодованию и обиде на Маргариту Павловну прорваться сквозь тот невидимый заслон, который и так истончился донельзя.

Ч-ч-чёрт, не думала, что хоть когда-нибудь буду иметь претензии к ней. И уже тем более в тот момент, когда её даже среди живых уже нет!

— Заметь, — продолжал давить бывший супруг. — Я сам не в особом восторге от таких перспектив, но я понимаю все свои выгоды.

— А я уже ни черта не понимаю, — пробормотала я. — И если ты считаешь, что я спущу на тормозах твои инсинуации про покушение...

— Покушение? — хмыкнул Горский, с опасной лёгкостью вернувшись к теме. — Радость моя, покушение было далеко не одно. И вообще не я должен об этом тебе рассказывать. Да я, мать-то твою, вообще не должен об этом заикаться. К этому времени ты уже должна была знать!

— Должна была?! Каким ещё, спрашивается, образом?!

— Вот об это я и говорю, — он махнул рукой с мою сторону. — В тебе нет ни капли трезвого взгляда на собственную родню. Ты потому ничего не замечаешь, не подозреваешь и не ищешь ответов.

— Последние пару лет мне было не до ответов, — проскрежетала я. — Я после развода по кускам себя собирала.

— Ну да, — обронил Горский. — И снова я виноват. Но разреши мне проявить свою скотскую натуру и указать, что твоих промашек это не отменяет. Ты родилась и выросла в этой семье. Ты делишь с ними их грехи. И делаешь это, заметь, добровольно!

— Я не хочу иметь с тобой дела, — я выпрямилась и отодвинула стул. — Мы не договоримся. Никогда. Без вариантов.

— Без вариантов? — хмыкнул бывший супруг. — Ну хорошо. Об этом при встрече с Куницыным и расскажешь. Но впереди ещё несколько дней. Кто знает, что успеет стрястись. Кто знает, не захочешь ли ты передумать.

Глава 16

— Саша, мне нужен конкретный ответ.

Я сижу в уютном кафе за одним из круглых столиков с симпатичным дизайнерским ночничком и прожигаю старшую сестру рентгеновским взглядом.

После встречи с Горским я всю ночь не спала. Прокручивала в голове всё, что он мне наговорил.

И хотела бы я с такой лёгкостью и непринуждённостью списать всё на его ненависть к нашей семье и отмахнуться, мол, говорил он такие вещи из злости и мести, из зависти. Просто рычит и огрызается, как и любой раненый зверь, который слишком хорошо запомнил своих обидчиков, чтобы даже спустя годы при случае не пнуть их, если представляется такая возможность. Но в том и беда, что Горский был не из мелочных. А обширную детскую и глубокую травму, извечную травлю и издевательства от Мережских сложно мелочью называть.

Поэтому, как ни сложно мне было это признать, но я слишком хорошо понимала, что ляпать языком без причины он никогда бы не стал. В конце концов он слишком дорожил своей репутацией серьёзного делового человека, который до подобной мелочности никогда не опустится. Горский любил играть по-крупному и играл. А вот то, что он мне наговорил, стопроцентно было лишь частью какого-то более сложного и масштабного плана.

Было или не было, но мне пришлось наедине с этой жуткой информацией пережить целую ночь и ни свет ни заря отправиться на встречу с сестрой.

Она поначалу не придавала значения моему настойчивому требованию встретиться, но потом по моему голосу сообразила — что-то стряслось. И сейчас по её лицу несложно было сказать — она совершенно не рада, что согласилась увидеться.

— Если тебе нужен конкретный ответ, — проговорила на через силу, — ты, Таня, не к тому человеку сейчас обращаешься. Тебе стоило бы по телефону мне намекнуть, о чём пойдёт речь...

— Нет, не стоило, — покачала я головой. — Мне нужно было на твою реакцию посмотреть, чтобы понять.

— Ну и что? — Сашка посмотрела на меня едва ли не с вызовом. — Поняла? Или запишешь меня в список покушавшихся?

— Бросай драматизировать, — я цокнула ногтем по боку своей фарфоровой чашки. — И для справки, Горский тебя тоже ни в чём не обвинял. Он всего лишь посоветовал у тебя об этом спросить, а значит, он знает, что ты знаешь нечто важное.

Сашка в ответ посверлила меня взглядом, а потом чертыхнулась и разорвала зрительный контакт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.